

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1410–1421, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.21(82-34)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Горяева Б. Б., 2022

Аннотация. *Введение.* В устной традиции калмыков сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* включается как эпизод в волшебные и богатырские сказки. В калмыцких сказках герой, сразив змея, спасает от смерти девушку. В этих сказках герой отправляется в путь для устранения недостачи/беды, их действие основано на пространственном перемещении героя. Герой сказки, включающей сюжет о змеборстве, путешествует по мирам, спустившись в нижний, поднимается в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Таким образом, мотив пути выступает сюжетообразующим в рассматриваемых сюжетах. *Цель* исследования — рассмотреть мотив пути в калмыцких волшебных сказках, включающих сюжет ATU 300. *Материалом* исследования явились тексты сказок, опубликованных в сборниках калмыцких сказок. *Результаты.* Герой сказки «Җал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») отправляется в путь, как и герой тууль-улигера, получив весть о суженой. Сказка описывает встречу героя с вестником о его суженой через традиционную формулу «хороший совет или шкура, величиной с ладонь». При описании отправки героя в путь в сказку включается также жанр *йоряла* (благопожелания), восходящего к магической поэзии народа и вере в силу слова. Достижение иного мира требует определенной подготовки и соответствующих атрибутов, некогда сопровождавших умерших в их последний путь. Еще одной мотивировкой отправки героя в путь является потеря зрения ханом-отцом. В сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») сыновья должны увидеть то, чего не видел отец, чтобы он прозрел. В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — *гелюнг*, замещающий образ *заячи*. Обратный путь героя сказки из нижнего мира в срединный мир людей связан с образом хана Гаруды. *Выводы.* Мотив пути в сказках, включающих сюжет ATU 300 *The Dragon-Slayer*, разрабатывается согласно морфологии волшебной сказки (по В. Я. Проппу) в рамках устной традиции (тууль-улигера) с замещением более ранних представлений — поздними буддийскими.

Ключевые слова: калмыки, сказка, волшебная сказка, сюжет, змей, мотив пути, иной мир

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: ААА-А-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжет ATU 300 The Dragon-Slayer // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1410–1421. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

ATU 300 *The Dragon-Slayer*: Motif of Way in Kalmyk Folktales

Baira B. Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Goryaeva B. B., 2022

Abstract. *Introduction.* In the oral tradition of Kalmyks, type ATU 300 *The Dragon-Slayer* serves an episode to magic and heroic folktales. In Kalmyk narratives, the main character slays a serpent to save a maiden from death. Such tales begin with that a hero takes the road to eliminate some shortage/trouble, the action be based on the former's spatial movement. So, the to-be serpent-slayer travels through worlds: he descends to the lower world, returns to the human-inhabited middle one, undergoes some difficulties, and finds a bride. Thus, the motif of way proves central to the considered plots. *Goals.* The study aims to examine the motif of way in ATU 300-based (*The Dragon-Slayer*) Kalmyk folktales. *Materials.* The paper analyzes texts of published Kalmyk folktales. *Results.* In *The Son of Khan Gal — Otkhon Shara* (Kalm. *Гал хаана отхн шар көвүн*), the main character — like a *tuuli-uliger* hero — sets off on a journey after receipt of a message from his betrothed. And it is the traditional formula ‘good advice, or a palm-sized skin’ that provides a stage for the hero to meet the messenger. When it comes to describe the hero's departure, the narrative involves the genre of *yöräl* (‘good wishes’) which goes back to magic folk poetry rooted in the belief word has power, a successful arrival in the other world be guaranteed by certain preparatory action and appropriate attributes that had once accompanied the deceased on their last journey. Another motive for a hero to start on a trip is that his reigning father loses eyesight. In *The Story of Tögseg Khaan* (Kalm. *Ном Төгсг хаана туск тууж*) sons are supposed to leave and dare see what their father never saw for his sight to recover. In this text, the function of adviser and donor is performed by a Buddhist priest — *gelong* — who replaces the image of *zayachi* (‘guardian genius’). The hero's return journey from the lower world to the middle (human) one is associated with the image of Khan Garuda. *Conclusions.* The motif of way in ATU 300-based (*The Dragon-Slayer*) folktales tends develop in accordance with magic folktale morphological patterns (according to Propp) and within the framework inherent to oral (*tuuli-uliger*) traditions, paralleled by that Buddhist representations replace the earlier ones.

Keywords: Kalmyks, folktale, fairy tale, plot, snake, motif of way, other world

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Goryaeva B. B. ATU 300 *The Dragon-Slayer*: Motif of Way in Kalmyk Folktales. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1410–1421. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1410-1421

Введение

Ранние представления, связанные со змеем, — мудрость, бессмертие и потусторонний мир, зарождение жизни и вода. Исследователи отмечают, что змеи — основообразующий персонаж в модели мира. По мнению В. Я. Проппа, змей «сложное и многообразное явление», и попытка подвести его под единое и общее заключение «всегда сводит разнообразие к единству и тем самым искажает сущность явления» [Пропп 1986: 279].

Истоки змееборческого сюжета в сказках В. Я. Пропп возводит к архаическим обрядам инициации, связанным с первобытным анимистическим мировоззрением, тотемизмом и культом животных [Пропп 1986: 279]. Змееборчество, согласно теории ученого, появляется в результате постепенной утраты исходного значения обряда поглощения при инициации. При переходе от охоты к земледелию сверхъестественные покровители человека становятся представителями враждебной ему дикой природы. Змееподобное существо, которое на данной стадии развития обретает черты водного обитателя — рыбы, кита и т. д. — теперь представляется чудовищем, которое герой должен убить [Пропп 1986: 232].

М. Э. Джимгиров, рассмотрев мотив в сопоставлении эпоса и сказок, отмечает, что сказочный змееборческий мотив органически вошел в калмыцкий эпос [Джимгиров 1970: 206].

В устной традиции калмыков сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* [ATU 2004] включается как эпизод в волшебные и богатырские сказки. В калмыцких сказках герой, сразив змея, спасает от смерти девушку. В этих сказках герой отправляется в путь для устранения недостачи / беды, их действие основано на пространственном перемещении героя. Герой сказки на сюжет о змееборстве путешествует по мирам, спускаясь в нижний мир, возвращаясь в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Таким образом, мотив пути выступает сюжетообразующим в рассматриваемых сюжетах.

В калмыцкой фольклористике на эпическом материале рассмотрен мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек [Убушиева 2011], изучены динамические и статические свойства пространства и времени и выявлен способ восприятия универсальных категорий [Селеева 2011].

При сравнении эпических тем в указателе двух национальных версий эпоса «Джангар» выделены темы отправления в путь, преодоления пути, временной остановки в пути, встречи, отдыха и прибытия [Селеева 2013: 105–184].

Поднималась также проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и «Джангара» [Манджиева 2016]. Изучен топоним *Алтай* в мотиве пути на материале эпоса монгольских народов [Дампилова, Хабунова, Чулуун 2018]. Описан путь и странствие эпического героя в нижнем мире [Манджиева 2021], путь богатыря, отправившегося на боевые подвиги [Манджиева 2022].

На сказочном материале калмыков рассмотрены мотив путешествия героя по мирам [Манджиева 2013], мотив отправления героя, рожденного от медведя, на основе сказочной традиции тюрко-монгольских народов [Хабунова, Чао 2019], мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип AT 508 «Благодарный мертвец» [Горяева 2022].

Мотив пути в сказке «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал хана Отхон Шара»)

В настоящей статье нами рассматривается мотив пути в калмыцких сказках, включающих сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer* (CUC 300, Победитель змея) [CUC 1979]. Материалом исследования явились сказки «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») [Хальмг туульс 1961: 159–164]; «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») [Алтин чеежтэ 2010: 46–53].

В сказке «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») младший из трех сыновей любит охотиться. Однажды

он пощадил зайца, который указал ему местонахождение его суженой. Отхон Шара отправляется туда, где небо сливается с землей. По пути заезжает к сестрам и продолжает путь на конях своих зятьев. Отхон Шара встречается старуху, которая подсказывает ему, как узнать ханскую дочь среди пятисот схожих девушек. Ханская дочь возвращается для того, чтобы собрать приданое, юноша отправляется домой.

В пути ему встречается старуха, которая дает советы герою. Отхон Шара дважды нарушает запрет старухи и попадает в нижний мир, где спасает от змея дочь хана подземного мира. Победу над змеем присваивает себе ханский повар и женится на дочери хана, но ложь раскрывается. Благодарный хан советует герою спасти птенцов хана Гаруды от светло-пестрой змеи и подняться на ней в свой мир. Вернувшись домой, Отхон Шара расправляется со своими братьями, скинувшими его в преисподнюю, живет счастливо с женой и сыном [Хальмг туульс 1961: 159–164].

Сын Гал-хана Отхон Шара отправляется в путь, получив весть о суженой, как и герой тууль-улигера. «Тууль-улигер» — эпическое произведение, стадийно предшествующее героическому эпосу типа калмыцкого «Джангара» и повествующее о подвигах чудеснорожденного богатыря (его женитьба на «суженой» — волшебной деве из далекой страны, истребление чудовищ-мангусов, освобождение народа от насильников и установление мира на земле) [Кичиков 1978: 3–6].

Как и в тууль-улигере, в сказке герой получает весть о своей суженой. Сын Гал-хана Отхон Шара в одноименной сказке встречается с вестником о его суженой во время охоты: *Нег аңһучлад, аң шову харвад, Гал хаана Отхн Шар хардг болна. Аңһучлад йовжс йовхлань, нег туула һарад гүүдг болна. Отхн Шар туулан арднь орна. Туулаг көөһэд, күцэд ирхлән, туула келдг болна: «Амн сән үгдм дурлнч, аль ааһ махнд, аль альхн дүңгә арсндм дурлнч?» — гив. Көвүн санжәһад, амн сән үгичн чигн соңснав, — гив. Туула келв: «Чини авх күүкнчн теңр һазр хойрин шавилһнд бәәнә», — гив* «Однажды сын Гал-хана Отхон Шара отправился на охоту, пострелять зверей и птиц. Когда он охотился, выскочил и побежал заяц. От-

хон Шара погнался за зайцем. Когда настиг зайца, тот спросил: «Что тебе по душе — мой хороший совет или мое мясо с пиялу, или моя шкура размером с ладонь?». Юноша призадумался и ответил: «Выслушаю твой хороший совет». Заяц сказал: «Твоя суженая, на которой ты должен жениться, живет там, где небо сливается с землей»¹ [Хальмг туульс 1961: 159].

Формула «хороший совет или шкура, величиной с ладонь» представлена также другими вариантами и используется при разговоре героя и животного, которому он сохраняет жизнь в обмен на ценный совет. Т. Г. Басанговой отмечается, что в данном эпизоде диалог строится на традиционных формулах [Басангова 2019: 107].

В сказке «Барс Мергн баатр» («Богатырь Барс Мерген») старшая сестра героя Цагалангу просит его привезти ей живого зайца, через которого она передает письмо сыну Харата хана, где дает знать, когда приезжать за ней [Хальмг туульс 1961: 173]. Таким образом, в указанных текстах сказок заяц является вестником, который указывает местонахождение суженой.

Рассматривая образ зайца в фольклоре калмыков, исследователи отмечают его хтоническую сущность, связь с иным миром [Басангова 2019: 106].

В мифологических воззрениях и обрядности бурят зайцы, наряду с другими животными, выступали в качестве духов-помощников шамана, они «считались, как и шаман, посредниками, способными проникать из Среднего, земного, мира в иные миры, например в подземное пространство» [Бадмаев 2020: 726].

Получив весть о суженой, герой решает ехать за ней, жена старшего брата *бергн* беспокоится о нем и спрашивает: *Тиим хол һазрт яһжс йовнач?* «Как же ты поедешь в такой дальний путь?». Не послушавшись *бергн*, Отхон Шара, оседлав своего солового, отправляется в дальний путь. Превратившись в белого горбатого зайца равнины (*бөөргин бөкн цаһан туула*), *бергн* кинулась следом за Отхон Шара. Выбившись из сил, она просит младшего брата мужа остановиться, дает ему нечто белое на случай опасности, посоветовав сунуть то под луку седла. Благословляя в дорогу, жена старшего брата

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

произносит *йорал* (благопожелание): *Көвүн, йовсн үүлчн номин йосар күңж, алтн жолаһан хэрү эргүлж, ахнр бергтәһән амулң менд байрта ирх бол* ‘Мальчик, пусть дело твое исполнится по законам; выполнив свое дело, благополучно возвращайся к братьям и невесткам живым и здоровым’ [Хальмг туульс 1961: 159]. В приведенном эпизоде проводов в дальний путь отметим два момента: обращение *бергн* — жены старшего брата в зайца и произнесение *йоряла*.

Е. Я. Джамбинова в послесловии к сборнику калмыцких народных сказок, изданных на немецком языке, отмечает, что положительные героини — младшая дочь или младшая сестра, чтобы спасти жизнь брата, совершает героические поступки, в нужный момент превращаясь в зайца. Этот мотив превращения интерпретируется ею как временная смерть, связанная с обрядами посвящения (по В. Я. Проппу) [Dshambinowa 1993: 127–130]. Выше описанный мотив превращения в зайца младшей сестры героя представлен также в сказке «Барс Мергн баатр» [Хальмг туульс 1961: 175].

На бурятском материале учеными отмечается, что в народных представлениях с зайцем связывалась идея оборотничества, например, героиня сказки оборачивается в серого зайца. Способность превращаться в животное у бурят воспринимается как признак медиатора между мирами и не несет отрицательной коннотации [Бадмаев 2020: 726].

Включение жанра *йоряла* (благопожелания) в текст сказки отражает древние представления, восходящие к магической поэзии народа и вере в силу слова. О жанре благопожелания в рамках обрядовой поэзии калмыков писали Е. Э. Хабунова, Т. Г. Борджанова [Хабунова 1998; Борджанова 1999]. *Йорялы* соотносились с основными жизненными этапами, благопожелания сопровождали калмыка от рождения и до смерти. Люди верили в магию слова, в то, что оно может благословлять, изменять жизнь в лучшую сторону [Борджанова 2007: 167].

В благопожелании, произнесенном женой старшего брата героя, отправляющегося в дальний и трудный путь, звучит формула *алтн жолаһан хэрү эргүлж*, которую буквально можно перевести как «золотые поводья обратно повернув». Этими словами желали человеку удачного завершения

дела и скорого, благополучного возвращения домой [Краткий калмыцко-русский 1971: 8–9].

Сын Гал-хана Отхон Шара, продолжая путь, заезжает к своим замужним сестрам и отправляется дальше на конях своих зятьев. Этот момент лишь указывается, большее внимание уделяется тому, что понадобится герою в пути. Здесь приведем отрывок из текста: *Эгчнь толһаднь бөөс-хуурс хээжәһәд, чамд мөңгн кергтәй? — гиж сурв. Нанд юн кергтә болх? Мөңгн, — гиж дүнь хэрү өгв. Эгчнь дүүдән үзүл уга, нег ик торм темәнә тавгин дүңгә алт бишмүдинь хавтхд дүрв* ‘Сестра его, ища вшей в его волосах: Тебе деньги нужны? — спросила. Что мне понадобится? Деньги, — ответил ей младший брат. Сестра незаметно для братишки положила в карман его бешмета золото величиной с лапу верблюда-двухлетки’ [Хальмг туульс 1961: 159]. Две другие сестры также интересуются, что требуется брату, и подкладывают ему золото [Хальмг туульс 1961: 159].

В пути во время скачки (*Гүүлгә-гүүлгә йовтлнь*) герой встречает старуху, которая требует у него золота, она заставляет Отхон Шара потрясти свои карманы, после чего он находит три куска золота и отдает ей. Старуха эта владеет овцами, вечером, когда работники пригнали стадо и закололи одну овцу, ее внутренностями наелись старуха, герой, оставшийся на ночлег, ее двенадцать помощников, десять огромных сторожевых псов, при этом потроха даже на половину не были съедены [Хальмг туульс 1961: 160].

Наутро старуха показывает Отхон Шара путь к суженой и подсказывает, как добраться до суженой и определить дочь хана из пятисот схожих девушек. Позже, когда герой добирается до суженой, он узнает ее по мухе с золотыми крыльями и серебряным тельцем и забирает у нее амулет жизни *амн эрднийн*. Потом возвращается к старухе, требовавшей золота, она признается ему, что является его гением-хранителем — *заяч*.

Этот образ у монголоязычных народов, в том числе и у калмыков, воспринимается «самовозникшим», «создателем всего», как «божество человеческой судьбы как небесного волеизъявления, даритель счастья и блага, защитник имущества и скота» [Неклюдов 2008: 310].

В сказке «Алtn Өргч хаана нутгин Мөнг-н Өргчк гидг өвгн» («Старик по имени Мөнг-н Өргчк из нутка хана Алтан Өргчк») отправление бездетного старика мифологического возраста к своему заячи обозначает путь в иной мир, к которому следует подготовиться: *Тигэд өвгн йисн давхр төмр башмг цутхулж авад, йисн алд төмр тайг келгүлж авад, заячдан одхар йовһар һарад йовна* 'Поэтому старик повелел выковать девятислойные железные башмаки, девяти-саженный железный посох, взяв их, пешком отправился к своему заячи' [Хальмг туульс 1961: 121].

В. Я. Пропп показал на материале фольклора и этнографических данных, «что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути» [Пропп 1986: 49].

В своем труде «Исторические корни волшебной сказки» исследователь отмечает, что «тридцатое царство» имеет свою «локальность», связано с солнцем, золотая окраска предметов этого царства выражение их «солнечности=огненности», является «страной обилия» [Пропп 2000: 369].

Иной мир в калмыцкой сказке также представлен «страной обилия», в которой внутренностей (дотр) одной забитой овцы хватает, чтобы наесться двенадцати работников, их хозяйке и герою: *Ялчнр нег хө алад, дотринь чанв. Би юһинь идхм, эн 10-20 ялч юһинь идхм болхв гижэ Гал хаана Отхн Шар дотран санад суув. Дотр болв. Эмгн идв. Хонжсах көвүн идв. Арвн хойр ялч-нрнь идв. Арвн барг идв. Дотр эс дунд орв* 'Работники забили овцу, сварили ее потроха. Что я буду есть, эти 10–20 работников что будут есть, — так думал про себя сын Гал-хана Отхон Шара. Потроха приготовились. Старуха поела. Юноша, оставшийся на ночлег, поел. Двенадцать работников поели. Десять сторожевых псов поели. А потроха даже на половину не уменьшились' [Хальмг туульс 1961: 160].

Мотив пути в сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана»)

Сказка «Ном Төгсг хаана туск тууж» («История Номо Тексег-хана») строится на отправке сыновей ханом-отцом, потеряв-

шим зрение: *Старший сын отправляется в путь, достигает одного кургана, на котором в семи чашах бурлит вода, и возвращается. Оказывается, в этих чашах с водой хан Номо Тексег мыл руки. Средний сын добрался до юрты-дворца без веревок-креплений, в котором человек с единственным глазом во лбу смотрел за конем, принадлежавшим хану Номо Тексег. Младший из братьев Мазан, прежде чем отправиться в путь, обращается к гелюнду, выполняет все сказанное им, добывает коня и отправляется в путь.*

По пути герой находит сверкающее перо павлина и отдает его хану, владений которого он достиг, и отпустил коня. Мазан обращается к своему коню и с его помощью привозит чудо-птицу. Герой доставляет хану также золотой престол владыки вод с помощью хана Гаруди. Пожелание хана заполучить дочь владыки вод юноша исполняет при помощи коня, который превращается в лодку.

Юноша отправляет письмо своим братьям с известием, что он возвращается домой с кочевьем. Старшие братья сговариваются и сталкивают младшего в пропасть. Путешествуя по нижнему миру, Мазан набредает на хотон и спасает дочь хана, оставленную на съедение змею. С помощью хана Гаруди герой поднимается наверх. Младший сын возвращается домой, рассказывает о том, где побывал и что видел, и к отцу возвращается зрение [Алtn чеежтэ 2010: 46–53].

Сказка «Ном Төгсг хаана туск тууж» из репертуара Шани Васильевича Боктаева (1933–2010) представляет контаминацию сюжетных типов ATU 551 *Water of Life* (СУС 551 Молодильные яблоки) и ATU 531 *The Clever Horse* (СУС 531 Конек-горбунок), включает также в качестве эпизода ATU 300 *The Dragon-Slayer* (СУС 300, Победитель змея). Мотивировкой отправки в путь является потеря зрения ханом. Три брата решают вернуть зрение своему отцу. Старший из братьев едет в хурул, узнает из священных книг, что может помочь отцу, если увидит то, чего не видел отец (*эцкиннь үзэд уга юм көвүн үзхлэ, нүднь орх*) [Алtn чеежтэ 2010: 46]. Старший брат достигает высокого кургана, на вершине которого в семи чашах бурлила вода, и возвращается домой. Оказывается, это было местом, где

их отец мыл руки. Средний брат также обращается к священнослужителям и по их совету отправляется в края, где не бывал отец. Миновав курган с чашами, где бурлит вода, он добрался до юрты без веревок-креплений, в которой человек с единственным глазом на макушке ухаживал за конем. Вернувшись домой, рассказав об увиденном, средний сын узнал, что это конь отца. Младший сын также отправляется в хурул, чтобы самому услышать о том, что он может помочь отцу, увидев то, что он не видел. Мазан узнает от священнослужителя-гелюнга, что отец объездил и посмотрел весь мир, получает от него три сушеные лепешки из творога для конюха отца, советует как заполучить отцовского коня. Мазан выполняет все сказанное гелюнгом, добывает коня и отправляется в путь.

В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — гелюнг, а в сказке «Нал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») помощником героя выступает старуха-заячи. Таким образом, следует отметить, что в рассматриваемой сказке буддийские представления замещают более ранние. «Распространение этой мировой религии монголов и предков калмыков — ойратов шло одновременно двумя волнами. Первая охватывает XIII–XIV вв., вторая — период с конца XVI в. до начала XVII в. Но и в период (XIV–XVI вв.) феодальная верхушка продолжала придерживаться этого учения... В конце XVI — начале XVII в. началась вторая волна проникновения буддизма в среду монголов и ойратов», — отмечает Э. П. Бакаева [Бакаева 1994: 11–12].

Начиная с XVII в. буддизм проникает в культуру и быт калмыцкого народа. Многовековое влияние этой мировой конфессии на представления калмыков отражено в выше приведенной сказке современного сказителя Ш. В. Боктаева.

Заполучив коня отца, герой отправляется в дальнюю дорогу. По пути герой находит сверкающее перо павлина и отдает его хану, владений которого он достиг и отпустил коня. Получив задание хана доставить павлина, Мазан обращается к своему коню и с его помощью привозит чудо-птицу. Для того чтобы добыть для хана золотой престол владыки вод, конь юноши доставляет его к хану Гаруде, Мазан спасает птенцов птицы

от змея. Хан Гаруда проглатывает юношу, но после просьб птенцов выплевывает его. Узнав о том, что Мазан — младший сын хана Номо Тексег, хан Гаруда признается, что знакома с его отцом, и в благодарность помогает достать золотой престол владыки вод.

В следующий раз старик-неприятель подговаривает хана, и он изъявляет желание посидеть под тенью крыльев хана Гаруды. Мазан просит птицу исполнить эту просьбу. После двух дней кромешной тьмы хан просит хана Гаруду вернуться.

Пожелание хана заполучить дочь владыки вод юноша исполняет при помощи коня, который превращается в лодку. Герой в лодке играет на дудке, когда появляется дочь владыки вод, юноша ее хватает и привозит к хану. Девушка ставит условие хану искупаться в кипящем молоке восьмидесяти кобылиц. Хан после купания Мазана полез в чан с молоком и сварился.

Юноша отправляет письмо своим братьям с известием, что он возвращается домой с кочевьем. Старшие братья сговариваются и сталкивают младшего в пропасть. Мазан, упав в нижний мир, излечил свои переломанные ноги волшебными листьями, которымимышь исцелила свою перебитую ногу.

Путешествуя по нижнему миру, Мазан набредает на *хотон*, в крайней юрте которого он находит девушку, дочь хана, оставленную на съедение змею. Герой расправляется со змеем, превращается в альчик и прячется в подоле девушки. Когда хан решает выдать дочь замуж за старика, приведшего девушку домой, принимая его за спасителя, Мазан показывается и раскрывает правду.

Приведем пример реализации змееборческого мотива в тексте сказки «Ном Тексг хаана туск тууж» («Сказание о Номо Тексег-хане») сказителя Ш. В. Боктаева:

Йова-йовтл нег хотн үзгднэ. Захин герт орад ирхлэ, нег сээхн күүкн сууна.

— *Күүкн яһад суунач? — гижэ Мазн сурхла,*

— *Мини эцк намаг авч ирэд суулһчква, — гинэ.*

— *Яһад? — гинэ.*

Тиигхлэ келнэ:

— *Намаг хортн хо һалзн моһа иржэ идхм, — гинэ.*

— *Нэ, бичэ э, түңгичн алчкнав. Тегэд кезэ ирх? — гинэ көвүн.*

— *Сөөдөн ирх, — гинэ.*

Көвүн моһаг гетэд сууна. Сөөднө моһа ирнэ. Моһаг чавчад, һурвн эңг келэд алчкна. Үүднэ өөр герт орж йовх бээдлтәһәр тәвчкнэ

‘Шел он, шел, показался один хотон. Зашел в крайнюю юрту, сидит красивая девушка.

— Девушка, почему сидишь? — спросил Мазан,

— Мой отец меня привез и посадил, — ответила.

— Почему? — спросил.

На это ответила:

— Меня должен съест враждебный светлый с полосой на лбу змей, — сказала.

— Ну, не бойся, я его убью. Когда он появится? — спросил юноша.

— Ночью придет, — говорит.

Юноша стал поджидать змея. Ночью змей приполз. Змей убил, порубив на три части. У дверей его сложил так, будто он вползает в юрту’ [Алтин чеежтэ 2010: 51].

Из текста сказки мы узнаем, что девушка оставлена в качестве жертвы змею вместо хана-отца. Через некоторое время отец отправляет посыльного узнать, как его дочь, выясняется, что она спасена героем и жива.

Истоки змееборческого мотива В. Я. Пропп возводит к архаическим обрядам инициации, связанным с первобытным анимистическим мировоззрением, тотемизмом и культом животных: одним из таких животных изначально мог быть и змей [Пропп 1986: 279]. Мотив змееборчества, согласно теории ученого, появляется в результате постепенной утраты исходного значения обряда поглощения при инициации. При переходе от охоты к земледелию сверхъестественные покровители человека становятся представителями враждебной ему дикой природы. Змееподобное существо, которое на данной стадии развития обретает черты водного обитателя — рыбы, кита и т. д. — теперь представляется чудовищем, которое герой должен убить [Пропп 1986: 232].

Герой побеждает змея, освобождает ханскую дочь и, чтобы подняться в средний мир людей, юноша посылает хану Гаруде письмо. Птица прилетает, во время полета юноша кидает ей в пасть мясо, а в конце пути, — отрезав, кусок своего бедра. Достигнув среднего мира, хан Гаруда про-

глатывает Мазана и выплевывает его целым и невредимым. Младший сын возвращается домой, рассказывает о том, где побывал и что видел, и к отцу возвращается зрение [Алтин чеежтэ 2010: 46–53].

Данный сюжет записан Б. Б. Манджиевой от современного сказителя Ш. В. Боктаева, ею же проанализирована структура сказки [Манджиева 2005]. Шаня Васильевич слышал сказку от своего отца в детстве, в пяти-шестилетнем возрасте. Данная сказка богата архаичными мотивами и элементами. Она интересна и тем, что представляется как предтеча «Джангара», так как в героическом эпосе «Джангар» Ага Шавдал, супруга хана Джангара, — дочь Номо Тексег-хана [Манджиева 2013: 90–100].

Обратный путь героя из нижнего мира в средний

В рассмотренных сказках герой попадает в нижний мир, будучи обманутым своими братьями. Обратный путь героя сказки связан с образом хана Гаруды. Чтобы подняться из нижнего мира в средний мир людей, герой по подсказке подземного хана спасает птенцов птицы от змея. Расправившись со змеем, герой сказки предстает перед грозным ханом Гарудой, который проглатывает его, но потом выхаркивает после просьбы своих птенцов. В благодарность птица доставляет героя на землю.

Спасший дочь хана герой ищет способ подняться на землю и просит совета хана. Хан поведал, что есть птица — хан Гаруда, птенцов которой поедает враждебный змей, в то время, когда она отправляется за пропитанием. «Если расправиться с тем змеем, то хан Гаруда сможет помочь», — сказал хан. Юноша приходит к хану Гаруде, видит, что птенцы в гнезде без матери, затаился и стал поджидать. Герой нагнал и зарубил змея. Птенцы стали плакать и звать мать. Юноша подошел к ним, и они спрятали своего освободителя под крыльями, сказав, что их мать его проглотит. В это время хан Гаруда с пропитанием, плача, прилетела. Птенцы говорят, что спасший их человек скрылся в море, Гаруда крыльями его расплескала и превратила в лужу, не нашла его. Когда Гаруда не нашла освободителя и среди деревьев, птенцы высказали ей свое опасение, что она проглотит их спасителя. После заверений матери, что она не причи-

нит ему вреда, птенцы показали героя, которого Гаруда с отвращением проглотила и после слезных уговоров птенцов выплюнула. В благодарность хан Гаруда решает поднять героя в мир людей, велит приготовить мясо семидесяти лошадей, семьдесят бочек воды. Во время полета юноша кормит и поит птицу, но уже у самой границы миров, когда закончилась провизия, он отрезает кусок мяса из своей ноги и дает напиться своей мочой. Доставив юношу в срединный мир хан Гаруда спрашивает, почему последний кусок мяса был такой маленький, но такой вкусный, вода, которой напоил в последний раз, была с таким едким запахом. Гаруда узнает правду, проглатывает героя и выхаркивает его целым и невредимым [Хальмг туульс 1961: 163–164; Алтн чеежтэ 2010: 48–49].

Сказочный текст представляет хана Гаруду как существо иного мира, способное после поглощения вернуть полноценность герою, восстановив его конечности.

В круг действий мифической птицы — хана Гаруды входит пространственное перемещение героя из одного мира в другой мир. В. Я. Пропп о путешествиях героя по воздуху пишет следующее: «Из волшебных помощников древнейшая форма, несомненно, — птица, обычно — орел или какая-нибудь фантастическая птица. Птица — древнее культовое животное. Полагали, что душа человека превращается после смерти в птицу или улетает на птице» [Пропп 2000: 214].

В сказочной традиции калмыков образ мифической птицы — хана Гаруды раскрывается через змея. С. В. Мирзаева отмечает, что в калмыцких сказках популярен мотив противостояния Гаруды и нагов [Мирзаева 2015: 202].

Изображения мифической Гаруды, в индуизме предстающей ездовой птицей (с женскими телом и головой) бога Вишну [Мифы народов 1987: 266], имеются на буддийских танках, представляющих старокалмыцкое искусство [Батырева 2005: 97–99], а также на знамени 3-го донского калмыцкого конного полка [Кукеев 2010: 62].

Птица хан Гаруда фигурирует, помимо сказок, в таких жанрах устной традиции народа, как «Яс кемэлһн» («Сказывание по кости») и героический эпос «Джангар». Мифическая птица Гаруда помогает герою

калмыцкого эпоса Джангар-хану спуститься с неба на землю. Мифологическая картина мира, отраженная в устной традиции народа, рисует верхний мир, населенный божествами и чудесными помощниками главного героя, срединный мир людей, где происходят основные действия с участием богатырей, и нижний мир, принадлежащий хтоническим существам, противникам эпических героев.

Выводы

В устной традиции калмыков в сказках, включающих сюжетный тип ATU 300 *The Dragon-Slayer*, герой, сразив змея, спасает от смерти дочь хана. Герой отправляется в путь для устранения недостачи / беды, путешествует по мирам, спускаясь в нижний мир, возвращаясь в средний мир людей, претерпевает трудности и находит себе невесту. Так, герой сказки «Һал хаана отхн шар көвүн» («Сын Гал-хана Отхон Шара») отправляется в путь, как и герой тууль-улигера, получив весть о суженой. Сказка описывает встречу героя с вестником о его суженой через традиционную формулу «хороший совет или шкура, величиной с ладонь». При описании отправки героя в путь в сказку включается также жанр *йоряла* (благопожелания), восходящего к магической поэзии народа и вере в силу слова. Достижение иного мира требует определенной подготовки и соответствующих атрибутов, некогда сопровождавших умерших в их последний путь.

Еще одной мотивировкой отправки героя в путь является потеря зрения ханом-отцом. В сказке «Ном Төгсг хаана туск тууж» сыновья должны увидеть то, чего не видел отец, чтобы он прозрел. В данном тексте функцию советчика и дарителя выполняет буддийский священнослужитель — *гелюнг*, замещающий образ заячи. Обратный путь героя сказки из нижнего мира в срединный мир людей связан с образом хана Гаруды.

Таким образом, мотив пути в сказках, включающих сюжет ATU 300 *The Dragon-Slayer*, разрабатывается согласно морфологии волшебной сказки (по В. Я. Проппу) в рамках устной традиции (тууль-улигера) с замещением более ранних представлений — поздними буддийскими.

Литература

- Алтн чеежтэ 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня (Хранитель мудрости народной) / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Сер.: «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 450 с.
- Бадмаев 2020 — *Бадмаев А. А.* Заяц в традиционных представлениях и обрядах бурят // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 723–729.
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Батырева 2005 — *Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005. 160 с. с илл.
- Горяева 2016 — *Горяева Б. Б.* Сюжет АТ 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 79–83.
- Горяева 2022 — *Горяева Б. Б.* Мотив пути в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец» // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 394–406.
- Дампилова, Хабунова, Чулуун 2018 — *Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Чулуун З.* Топоним *Алтай* в мотиве пути в эпосе монгольских народов // Oriental Studies. 2018. Т. 11. № 5. С. 166–173. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166-173
- Джимгиров 1970 — *Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Кичиков 1978 — *Кичиков А.Ш.* О тууль-улигерном эпосе (к постановке вопроса) // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 3–6
- Краткий калмыцко-русский 1971 — Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г. Ц. Пюрбеев. М.; Элиста: [б. и.], 1971. 60 с.
- Кукеев 2010 — *Кукеев А. Г.* Знамя 3-го донского калмыцкого конного полка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 60–63.
- Манджиева 2005 — *Манджиева Б. Б.* «Сказание о Номо Тексег хане» как предтеча «Джангара» // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б. Х. Тодаевой. Сер.: «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 106–110.
- Манджиева 2013 — *Манджиева Б. Б.* Сказитель Ш. В. Боктаев и его репертуар // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. С. 90–100.
- Манджиева 2016 — *Манджиева Б. Б.* К проблеме изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 1(1). С. 44–50.
- Манджиева 2021 — *Манджиева Б. Б.* О сюжетосложении песни Малодербетовского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2021. № 3(23). С. 26–34.
- Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Мотивы в эпических песнях джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 361–375. DOI: 10.54770/20729316-2022-1-361
- Мирзаева 2015 — *Мирзаева С. В.* О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 196–204.
- Мифы народов 1987 — Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. А–К. М.: Советская энциклопедия, 1987. 671 с.
- Неклюдов 2008 — *Неклюдов С. Ю.* Дзаячи [электронный ресурс] // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. М., 2008. С. 310. Индостан.ру. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
- Пропп 1986 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 365 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Селеева 2011 — *Селеева Ц. Б.* Динамические и статические свойства пространства и времени в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гу-

- манитарных исследований РАН. 2011. Т. 4. № 1. С. 173–177.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Убушиева 2011 — Убушиева Д. В. Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение (Монгол судлал). 2011. Т. 5. № 1. С. 302–308.
- Хабунова 1998 — Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 223 с.
- Хабунова, Чао 2019 — Хабунова Е. Э., Чао Гед-жин. Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental studies. 2019. Т. 12. № 5(45). С. 1026–1033.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- ATU 2004 — Uther H. J. The Types of International Folktales: a Classification and Bibliography, based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson / ed. Staff Sabine Dinslage [et al.]. Helsinki: Suomal. tiedekat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 284: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. 619 p.
- Dshambinowa 1993 — Märchen der Kalmücken. Herausgegeben und übersetzt von Jelena Dshambinowa. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1993. 144 s.
- Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166–173
- Dshambinowa J. Märchen der Kalmücken. Herausgegeben und übersetzt von Jelena Dshambinowa. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1993. 144 p. (In Germ.)
- Dzhimgirov M. E. About Kalmyk Folk Tales. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 103 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. AT 508 ‘Grateful Dead Man’ plot in the Kalmyk fairy tradition. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 79–83. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Motif of the way in Kalmyk fairy tales of the plot type at 508 ‘Grateful Dead’. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 3(62). Pp. 394–406. (In Russ.)
- Khabunova E. E. Kalmyk Wedding Ritual Poetry. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 223 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Gejin C. Fairy-tale tradition of the Turko-Mongols: Motives for the expulsion of a bear-born hero. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 1026–1033. (In Russ.)
- Kukeev A. G. Banner of the Third Don Kalmyk Cavalry Regiment. *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 60–63. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Motifs in the epic songs of jangarchi Teltia Lidzhiev. *New Philological Bulletin*. 2022. No. 1(60). Pp. 361–375. (In Russ.) DOI: 10.54770/20729316-2022-1-361
- Mandzhieva B. B. On the plot of the Maloderbetovsky cycle songs of the Kalmyk heroic epic *Jangar*. *Vestnik of North-Eastern Federal Uni-*

References

- Badmaev A. A. The hare in traditional beliefs and rituals of the Buryats. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2020. Vol. XXVI. Pp. 723–729. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Barag L. G., Berzovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comps.) The East Slavic Folk-tale: A Comparative Directory of Plots. Leningrad: Nauka, 1979. 437 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Animals in Kalmyk Folklore. Elista: Kalmyk State University, 2019. 192 p. (In Kalm. and Russ.)
- Batyreva S. G. Old Kalmyks Arts: 17th – Early 20th Centuries. Moscow: Nauka, 2005. 160 p. (In Russ.)
- Boktan (Boktaev) Sh. The Custodian of Folk Wisdom Boktan Shanya (Shanya Boktaev). B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 172 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: A Study and Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 450 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S., Khabunova E. E., Chuluun Z. The epic tradition of Mongolic peoples: Toponym ‘Altai’ in the motif of the way. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 166–173. (In

- versity. Series "Epic Studies". 2021. No. 3(23). Pp. 26–34. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Storyteller Sh. V. Boktaev and his repertory. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 1. Pp. 90–100. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The issue of studying the motives of the Kalmyk heroic tale and the heroic epos "Jangar". *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic Studies"*. 2016. No. 1(1). Pp. 44–50. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Tale of Nomo Tekseg Khan as a forerunner of the Jangar [Epic]. In: The Researcher of Mongolic Languages. Jubilee collection (B. Todaeva). Kalmyk Intelligentsia series. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 106–110. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V. Kalmyk folktales: Some Buddhist features revisited. In: *Turko-Mongols. Questions of Ethnic History and Culture*. Vol. 3. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. Pp. 196–204. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Dzayachi. In: *Myths of the World. Encyclopedia*. Online edition. Moscow, 2008. P. 310. On: [Indostan.ru](https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf). Available at: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed: 1 August 2022). (In Russ.)
- Propp V. Ya. *Historical Roots of the Magic Tale*. Leningrad: Leningrad State University, 1986. 365 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. *The Russian Folktale: Collected Works by V. Propp*. Yu. Rasskazov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2000. 416 p. (In Russ.)
- Pyurbueev G. Ts. (comp.) *A Concise Kalmyk-Russian Dictionary of Verbal Phraseological Units*. Moscow, Elista, 1971. 60 p. (In Russ.)
- Sangadzhieva B., Sangaev L. (comps.) *Kalmyk Folktales*. Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)
- Seleeva Ts. B. Dynamic and static attributes of space and time in Kalmyk heroic epos «Dzhangar». *Oriental Studies (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS)*. 2011. Vol. 4. No. 1. Pp. 173–177. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. *Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: A Thematic Guide*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the World: An Encyclopedia*. In 2 vols. Vol. 1: A–K. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 671 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motive of overcoming of water space and of overcoming of a way by means of races (On the materials of songs of the Bagatsohurovsky cycle of the Kalmyk heroic epos «Dzhangar»). *Mongolian Studies (Elista)*. 2011. Vol. 5. No. 1. Pp. 302–308. (In Russ.)
- Uther H. J. *The Types of International Folktale: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson*. S. Dinslage et al. (eds.). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Part 1. FF Communications 284. Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction. 619 p. (In Eng.)

